

К ИСТОРИИ КОЛЫМСКИХ ПРИИСКОВ¹

В будущем 1938 г. исполняется десятилетие Колымы. В течение этого десятилетия Колыма стала одним из наших крупнейших горнопромышленных районов и наиболее крупным золотопромышленным. Достаточно сказать, что Колыма дает сейчас примерно столько же металла, сколько тресты Запсибзолото, Лензолото, Балейзолото и Якутзолото, вместе взятые. Отсюда понятен тот интерес, который проявляют к Колыме широкие круги работников золотой промышленности. Самые первые годы освоения Колымы, когда она была девственным, совершенно необследованным районом, кажутся сейчас необычайно далекими и начинают уже покрываться дымкой забвения. Вряд ли найдется много людей, которые знали бы историю этих первых лет и были бы ее непосредственными участниками. Их всего небольшая горсточка, этих подлинных пионеров Колымы. Так как мне пришлось участвовать в освоении Колымы с самого начала, я думаю, что некоторые мои воспоминания об этих первых годах не будут лишены интереса.

Впервые золото на Колыме было обнаружено в 1917 г. дезертиром царской армии Бориско в нижнем течении р. Средникана, примерно в 8 км ниже устья кл. Безымянного. Бориско умер в выбитой им яме, а обнаруженное, им золото оказалось не настолько богатым, чтобы остановить на себе внимание его сотоварищей по поискам. Поиски продолжались, но лишь в 1926 г. Сафей Гайнуллин и Ф.Р. Поликарпов наткнулись при устье кл. Безымянного на более богатое золото. Весть об этом открытии дошла до Охотского приискового района и до Якутска, куда были доставлены образцы золота, а в управление Якутского горного округа поступил ряд заявок от разных лиц на предоставление отводов под разведку. В предоставлении отводов было отказано, но уже в 1927 г. якутское правительство собралось посылать на Колыму поисково-разведочную партию под руководством Э.П. Бертина. Однако посылка этой партии не состоялась из-за финансовых затруднений.

В 1928 г. Геологический комитет в Ленинграде организовал по договору и на средства Союззолото полуторагодовую геологоразведочную экспедицию на Колыму с целью проверки сведений о нахождении там золота и выяснения его промышленного значения. Я был назначен начальником экспедиции. В состав экспедиции, кроме меня, входили: мой помощник геолог В.А. Цареградский, геодезист Д.Н. Казанли, поисковики-разведчики С.Д. Раковский и Э.П. Бертин, врач, завхоз и 15 рабочих. Поисковиков и (рабочих я выписал во Владивосток с Алдана, где работал в 1926—1927 гг. геологом треста Алданзолото. Таким образом, весь состав экспедиции, за исключением геодезиста, врача и завхоза имел уже некоторый опыт работы на приисках. 12 июня мы отплыли из Владивостока и в первых числах июля высадились в с. Ола, в 35 км к востоку от Нагаевской бухты. Последняя была тогда совершенно необитаема, и, только проплывая мимо нее на пароходе, мы узнали от команды, что это единственная бухта на Охотском побережье, где пароходы, набирая воду, могут подходить непосредственно к берегу, и что здесь Совторгфлот предполагает устроить главную базу для снабжения отсюда всего Охотского побережья каботажными судами.

¹ Эта впервые публикуемая статья была написана Ю.А. Билибиным в марте 1937 г. Статья имеет характер увлекательной повести об истории открытия Колымского золота в изложении его первооткрывателя, что и составляет ее главную ценность.—*Ред.*

Высадившись в Оле, мы тотчас столкнулись с острым недостатком транспорта. В Оле в то время радиостанции не было, а ближайшие радиостанции находились в 700 км – с одной стороны в Наяхане, с другой – в Охотске. Правда, была линия проволочного телеграфа, тянувшаяся из Якутска через Аллах-Юнь и Охотск до Тауйска, в 200 км к западу от Олы но она в это время как-раз была повреждена, и телеграмма, посланная мною из Ленинграда через Тауйск для Ольского РИК'а с просьбой подготовить транспорт, затерялась где-то в дороге. Положение усугублялось тем, что в Оле в это время находились две артели охотских старателей, привлеченных слухами о Колымском золоте и всеми силами рвавшихся на Колыму. А там, в устье кл. Безымянного уже вела хищнические работы одна небольшая артель. Золото они никуда не сдавали, продовольствием снабжались через ольских жителей, расплачиваясь с ними золотом. А от этих последних золото уплывало командам японских и китайских пароходов, которые тогда фрахтовались Совторгфлотом для снабжения Охотского побережья и довольно часто заходили в Олу.

Таким образом, наше прибытие в Олу и стремление попасть на Колыму очень не улыбалось ни старателям, ни местным жителям. Они рассматривали нас как государственную организацию, которая хочет установить над ними контроль и тем лишить их значительной части доходов. РИК принял их сторону и начал чинить нам всевозможные препятствия в работе. Апеллировать было некуда, ибо, как я уже отмечал, ближайшие радиостанции находились в 700 км, а окружной центр – в Николаевске на Амуре. Такая политика РИК'а продолжалась больше года, и лишь осенью 1929 г. состав РИК'а был сменен и предан суду за противодействие развитию золотого промысла и связанный с этим целый ряд контрреволюционных поступков.

Лишь с громадным напряжением сил нам удалось организовать небольшой вьючный транспорт. Но в то время как старатели были отправлены РИК'ом непосредственно до Средникана, нам удалось завербовать транспорт примерно до половины этого расстояния – до вершин тех притоков Колымы, по которым дальше возможно продвигаться сплавом. В качестве возможных путей сплава нам представлялись две реки – Буюнда и Бохапча. Сплавной пункт на Буюнде находился в 300 км от Олы на той тропе, по которой в течение нескольких десятилетий шло все сообщение Олы с Колымой. Буюнда спокойная, довольно многоводная река, по которой незадолго до этого спустилась экспедиция Сибводпути. Единственным ее неудобством было то, что она впадает в Колыму в 70 км ниже Средникана, и эти 70 км надо по Колыме тянуться против течения. Сплавной пункт на Бохапче находится примерно в 250 км от Олы вблизи старой тропы, которой пользовались несколько десятилетий назад, но потом забросили из-за полного отсутствия вдоль нее кормов. Бохапча бешеная, порожистая река, по которой сплав совершенно невозможен: зимою нарта не проходит между камней. Экспедиция Сибводпути, в программе которой стояло обследование Бохапчи, ввиду таких категорических сведений от него отказалась. Однако у Бохапчи одно большое преимущество: она впадает в Колыму много выше Средникана, давая тем самым возможность сплыть непосредственно к его устью.

Из всех голосов местных жителей резко выделялся один. Это был голос старика-якута Макара Медова. Он говорил, что по Бохапче не плавают, потому что боятся, а такие люди, как в экспедиции, проплывут. Он утверждал, что старая, заброшенная тропа много короче и удобнее существующей, и корма вдоль нее можно найти. Понадеявшись на Макара Медова и личный состав

экспедиции, я решил плыть Бохапчей. Это было тем нужнее, что нам надо было не только самим попасть на Колыму, но и выяснить наиболее удобные пути ее снабжения. А в этом отношении, если бы Бохапча оказалась сплавной, она имела бы все преимущества перед Буюндой. Ольский РИК ставил вопрос вполне определенно, что я делаю это умышленно, желая на порогах загубить экспедицию.

В первой половине августа я, Раковский и четверо рабочих при проводнике Макаре Медове отправились с вьючным транспортом на Бохапчу, имея запас продовольствия до 1-15 декабря. Остальной состав экспедиции остался в Оле для организации зимнего транспорта и переброски на Колыму зимою. Достигнув правого притока Бохапчи – р. Малтана примерно в 250 км от Олы, мы распростились с Медовым, соорудили два больших плота 4 x 8 м, сложили на них весь груз и пустились в неизвестное плавание. Малтан сильно обмелел, и какие-нибудь 80 км по нему мы тащились больше трех дней. Плоты постоянно садились на мель, приходилось слезать в воду и проталкивать их стяжками через мелкое место. Через три дня у всех нас на плечах образовались кровавые эполеты. Наконец мы выплыли на Бохапчу, и здесь плавание пошло уже легче, но пороги были еще впереди. Незадолго до них мы встретили юрту якута Дмитрия и устроили здесь дневку. Сведения о порогах были самые неутешительные. Общее протяжение их около 30 км. Проплыть нельзя никак, особенно с нашими плотами. Единственный выход – оставить груз и самим налегке тотчас возвращаться в Олу, чтобы успеть прибыть туда до снега. Дмитрий искренне нас жалел и чуть не плакал, когда мы отправились дальше.

Все мы были готовы к тому, что придется груз перетаскивать на себе в обход порогов, а плоты или спускать порожняком через пороги, или делать ниже порогов новые. Я считал, что будет большой удачей, если в течение недели нам удастся преодолеть пороги. Но пороги оказались не так страшны. Правда, иной раз, осматривая всем коллективом порог, мы подолгу ломали головы, как же провести наши громоздкие плоты через этот хаос камней, между которыми вся в пене клокочет бешеная Бохапча. Иной раз задача казалась невозможной, но плыть было необходимо, и наши отчаянные лоцманы, С.С. Дураков и И.М. Алехин, направляли плоты в такие места, где, казалось, они неизбежно должны застрять, но силой течения их все-таки протаскивало, иной раз прямо через камни. Иногда тот или иной плот на несколько часов застревал на камнях; приходилось перекладывать груз, отрубать бревна, всем слезать в воду с риском быть сбитыми течением с ног и разбитыми о камни. Но каждый раз плоты удавалось снимать. Благодаря опытности лоцманов и настойчивости всего коллектива пороги были преодолены в три дня. Все мы вздохнули облегченно. Не только было обеспечено наше прибытие на Колыму, но был найден удобный сплавной путь для снабжения приискового района. Если наши громоздкие, неповоротливые плоты благополучно прошли через пороги в малую воду, то не приходилось сомневаться, что весенней водой гораздо более подвижные карбазы пройдут через пороги без всякого труда. И действительно, еще в течение шести лет после этого, вплоть до 1934 г., когда автомобильная дорога дошла до самой Колымы, Бохапча играла крупнейшую роль в деле снабжения Колымских приисков, и ежегодно по ней направлялся сплавом большой поток грузов и пассажиров.

12 сентября, в один день со старательскими артелями, мы прибыли на Средникан. Здесь, при устье кл. Безымянного, в 16 км от Колымы, был хищнически ископан ямами неправильный участок примерно 50 x 60 м. Старая

артель жаловалась, что богатое золото кончилось и дальше не прослеживается ни в одну сторону. Вновь прибывшие артели приступили к пробивке ям и постройке барачков; мы также построили барак в кл. Безымянном и приступили к разведке его долины, полагая, что вынос золота идет отсюда. Вскоре выпал снег. Через полмесяца после нас, уже по глубокому снегу, на Средникан прибыла из Охотска «контора» Союззолото – управляющий Ф.Д. Оглобин и горный смотритель Ф.Р. Поликарпов. Вместе с ними прибыла еще артель старателей, очень плохо снабженных продовольствием. Всего на прииске скопилось около 35 человек. Все старатели были переведены на легальное положение.

Наши разведочные и старательские добычные работы шли своим чередом. Но уже в ноябре во вновь прибывших артелях начал чувствоваться недостаток продовольствия. Приходилось кое-чем с ними делиться. Приближался декабрь. Работы понемногу останавливались. Продовольственное положение становилось все хуже. Наименее обеспеченные артели уже перешли на собак, конские кишки и кожи. А одна предприимчивая компания, воспользовавшись тем, что в транспорте Оглобина пало несколько лошадей, не дойдя до Средникана, уже давно, взяв палатку и печку, жила «на подножном корму», кочуя от одного конского трупа к другому. 1 декабря я и Оглобин в сопровождении Сафея Гайнуллина вынуждены были идти за продовольственной помощью в якутское селение Сеймчан в 75 км от прииска. Однако сами сеймчанские якуты жили настолько бедно, что не могли нам оказать никакой существенной помощи. Может быть, известную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что они еще не знали, кто мы – друзья или враги, и как к нам следует относиться. Единственным результатом нашего похода было то, что мы привели на прииск двух наших экспедиционных коней, которых мы купили у старателей тотчас по прибытии на Средникан и отдали их на зиму в Сеймчан для прокорма. Эти кони были тотчас застрелены и распределены между старателями и рабочими экспедиции.

Настало 15 декабря, крайний срок прихода продовольственного транспорта из Олы. Но его все не было. Все работы давно прекратились. Над прииском нависло мертвое молчание. Люди сидели и лежали в бараках, лишь изредка то один, то другой выходил из барака послушать, не скрипят ли нарты. Стояли шестидесятиградусные морозы, воздух был особенно восприимчив к звукам, и приближение транспорта можно было бы услышать за несколько километров. Но кругом стояла гнетущая тишина. С каждым днем положение становилось все напряженнее. Наконец, только 26 декабря пришел транспорт. Ликованию не было конца. В каждом бараке пекли, жарили, варили, отовсюду неслись песни. Все сразу ожило, прииск зажил другой жизнью. Одновременно прибыла остальная часть экспедиции, штат конторы Союз-золото, а через некоторое время новые старательские артели. Возобновились разведочные и эксплуатационные работы. В течение оставшейся части зимнего сезона добыча золота была сосредоточена все на том же небольшом участке при устье кл. Безымянного. За зиму он был ископан вдоль и поперек, но продолжение россыпи не обнаружилось ни в одну сторону. Вместе с тем, выяснились некоторые черты россыпи, оказавшиеся впоследствии характерными для большинства колымских россыпей: отсутствие резко выраженного пласта песков, наиболее богатое золото в верхней части плотика – в стоящей торчком щетке глинистых сланцев, чрезвычайно неравномерное содержание. Из двух работающих рядом артелей одна иногда попадала на богатую кочку, другая – на пустоту. К весне этот участок был уже почти совершенно выработан, и остро встал вопрос о площадях для летних старательских работ.

Между тем, разведочные работы, которые по приходе транспорта велись и экспедицией и конторой Союззолото, не давали ответа на этот вопрос. От разведки, поставленной без предварительных летних поисков, на основании одних заявок трудно было ожидать больших результатов. Левая вершина Средникана, расположенная в 50-70 км от прииска, промышленного золота не дала, и только ее приток кл. Радужный показал золото на границе промышленного для механических работ. Кл. Безымянный оказался пустой, россыпь при его устье была прослежена недалеко вниз по долине Средникана в виде редких, хотя и богатых, но небольших по размерам кочек. В районе Борискиной ямы был разведан небольшой промышленный участок с очень неравномерным содержанием. Этих объектов могло хватить ненадолго, поэтому летние поисковые работы экспедиции приобретали громадное значение не только для оценки перспектив района, но и для удовлетворения непосредственных запросов золотодобычи.

Между тем, завербованный для поисковых работ конный транспорт мог прибыть на Средникан не ранее конца июня. Чтобы не терять времени, было решено до прихода транспорта разбиться на 4 отряда – 2 поисковых и 2 геологических, и выполнять работы частью пешком, частью сплавом. Особенно большое внимание привлекала к себе рч. Утиная. Она впадает в Колыму в 106 км выше Средникана. Проплывая осенью мимо устья этой речки (здесь мы убили трех уток, откуда и название), я наблюдал здесь гранитные гольцы. Так как в бассейне Средникана с гранитами связывалось золотое оруденение, а Утиная находится к северо-западу от него по простиранию складчатости, я предположил, что и здесь мы должны встретить золото. Сюда был направлен поисковый отряд С.Д. Раковсжого, который должен был со вскрытием Колымы сплыть по ней от устья р. Таскана до Средникана, опробуя все правые притоки. Поисковый отряд Э.П. Бертина должен был до прихода транспорта пешком начать поисковые работы в вершине Средникана. В.А. Цареградский еще зимним путем заехал в вершину Буюнды, чтобы весной сплыть по ней с геологической съемкой. Я и геодезист Д.Н. Казанли одновременно выехали в вершину Малтана, чтобы повторить прошлогодний сплавный маршрут по Бохапче.

Еще осенью я настаивал перед Ф.Д. Оглобиным на необходимости организовать весной сплав по Бохапче нескольких карбазов с продовольственным грузом для прииска. Однако он и прибывший несколько позднее уполномоченный Союззолото Лежава-Мюрат от этого предложения отказались, надеясь полностью обеспечить прииск продовольствием гужевым транспортом. К весне выяснилось, что эти надежды их жестоко обманули. Завезенного продовольствия могло хватить лишь до конца лета, после чего надо было вывозить народ в Олу. Началась самая срочная подготовка к сплаву. Я согласился выделить на сплав в качестве главного лоцмана рабочего экспедиции С.С. Дуракова и передовой карбаз взялся провести сам с командой из рабочих экспедиции. Всего было построено 7 карбазов грузоподъемностью по 300-350 пудов. Постройка их очень запоздала, и сплав начался, когда весенняя вода уже ушла.

Сплав протекал с громадными трудностями. Малтан страшно обмелел, и на каждом перекате карбаза садились на мель. Приходилось их или разгружать, или собрав воедино всю команду, стяжками пропихивать их через мели. Этот «стаек» или «спих» карбазов по Малтану продолжался две недели. Под конец команда настолько измучилась, что поднялся ропот и начались разговоры о прекращении сплава до начала дождей. Все-таки через две недели с трудом удалось дотянуться до Бохапчи. Здесь сплав пошел

быстрее, но оказалось, что большинство команды первый раз на воде. Среди них было больше половины аборигенов, много стариков и калек. Поэтому через самые опасные пороги все карбаза проводили Дураков и я и иногда еще 1-2 лоцмана. Большинство команды обходило пороги берегом. Наконец карбаза выплыли на Колыму. В общем, сплав был проведен успешно; хотя часть груза оказалась подмоченной, но основная масса дошла благополучно, и продовольственное положение приисков было спасено. Это был единственный год (вплоть до 1934 г.), когда запасов продовольствия без натяжки хватило до зимних транспортов.

Так как было уже начало июля, я оставил сплавный караван на устье Бохапчи и, сев в лодку, через сутки был на устье Средникана. По дороге заглянул на устье Утиной, где Раковский должен был оставить мне письмо о результате своих работ. Это письмо я нашел в расщелине одного из деревьев. Оно гласило: «There is a very good gold in this river»². Дальше приводились цифровые данные. Подобная предосторожность была принята Раковским потому, что по району отправилось несколько человек вольных разведчиков. Уже на Средникане я узнал от Раковского, что он со своим отрядом с котомками за плечами прошел с опробованием всю Утиную (около 25 км); везде были хорошие пробы, но на богатую промышленную россыпь они так и не наткнулись. Поздно вечером 12 июня отряд пришел в левую вершину Утиной и остановился на ночевку. Продовольствие кончалось. На другой день надо было без еды выходить на устье Утиной, к плавучей базе. Развели костер, стали кипятить чай. В вечерней полутьме Раковский подошел с лотком к подмытому борту и стал пробовать. Первый лоток дал 2 г. Раковский не поверил своим глазам, но следующие лотки тоже давали от 1 до 2 г. Когда отряд об этом узнал, все пришли в сильное волнение. Усталость и отсутствие продовольствия были забыты, никто не хотел ложиться спать. Но на утро надо было выходить на устье. Это открытие совпало с годовщиной нашего выезда из Владивостока. Ключ был назван Юбилейным.

Между тем, на Средникане в конторе Союззолото настроение было унылое. Непонятную задержку сплава считали признаком того, что он не удался. Золотило плохо. Добычные работы были сосредоточены на Борискином участке. Отдельные артели зарабатывали прилично, но большинство кое-как перебивалось. В Утиную не верили, считая, что это отдельная богатая кочка, по которой никак нельзя судить о богатстве всего ключа.

Транспорт для поисковых работ экспедиции пришел, и они уже протекали нормально. Бертин опробовал верхнее течение Средникана, Раковский – нижнее, Цареградский вел геологическую съемку всего бассейна, Я решил отправиться вдвоем с промывальщиком на Утиную, чтобы заснять ее геологически и дать оценку найденным Раковским ключам. Вместе с тем я рассчитал излишек рабочих экспедиции и, по согласованию с конторой Соззолото, отправил их стараться на Утиную. Своих старателей контора не рисковала посылать на совершенно неразведанную площадь. Четыре дня мы тянулись лодками вверх по Колыме и на пятый день прибыли на Утиную. Она не обманула наших ожиданий. Старатели с первых же дней начали «фунтить». Произведенное мною опробование полностью подтвердило данные Раковского по Юбилейному, а по смежному с ним Холодному были получены даже несколько лучшие результаты, чем у Раковского. Не приходилось сомневаться, что эти два ключа имеют крупное промышленное значение. В ближайшую же

² В этой реке очень хорошее золото. — *Ред.*

зиму 1929/30 г. контора Союззолото начала их разведку, и до 1933 г. включительно они оставались главнейшими объектами золотодобычи на Колыме.

В конце августа я вернулся на Средникан. Известие об успехе старателей на Утиной сильно подняло дух и администрации и старателей. Все рвались на Утиную. Этой же осенью туда были отправлены еще две артели, работавшие с неменьшим успехом. Между тем, экспедиции настало время выезжать в Олу и оттуда на «материк». В течение летнего сезона, помимо Утиной, были получены хорошие поисковые пробы еще в целом ряде долин, часть из которых после разведки оказалась с промышленным золотом. Было выяснено в общих чертах геологическое строение района и намечены некоторые закономерности в распределении золотоносности, легшие потом в основу направления геологопоисковых работ в течение ряда лет. Кроме того, на берегу р. Средникана недалеко от прииска была обнаружена так называемая Средниканская золоторудная жила, которая в дальнейшем после разведки хотя и оказалась непромышленной, но сыграла в истории Колымы очень важную роль. Еще перед моей поездкой на Утиную Раковский взял в борту Средникана хорошую пробу россыпного золота. Так как в это время очень остро стоял вопрос с площадями для старательских работ, на другой день я и Раковский отправились осмотреть это место, чтобы выяснить, нельзя ли там поставить старательскую артель. При осмотре оказалось, что в этом месте русло Средникана пересекается дайкой порфира, рассеченной обильными кварцевыми прожилками с сульфидным оруденением. Отъезжая на Утиную, я поручил опробование этой дайки Цареградскому, который обнаружил в ней богатое содержание золота. Это содержание было подтверждено впоследствии и химическими пробами в Ленинграде. К сожалению, при большой мощности дайки и очень значительном ее протяжении был опробован всего один ее выход, вследствие чего результат получился неопределенный. К числу достижений экспедиции относится и первое обнаружение на Колыме оловянного камня, произведенное мною уже в Ленинграде при просмотре шлихов, собранных Раковским и Бертиным. Это была первая находка оловянного камня в той громадной области, которая сейчас определяется как Верхоянская металлогеническая провинция.

Перед отъездом экспедиции со Средникана большинство рабочих взяли расчет и пошли стараться на Утиную. По пути в Олу я дал задание Цареградскому пройти по рр. Гербе и Мятику с целью обследования старой брошенной тропы, указанной Медовым. Когда отряд Цареградского подошел к тому месту, где якобы кончаются корма, проводник-якут лег на землю, заплакал и категорически отказался идти дальше. Только долгие уговоры и гарантия Цареградского уплатить полную стоимость всех лошадей, которые погибнут, заставили проводника наконец решиться на этот рискованный путь. Каково же было его удивление, когда вдоль всего пути оказались приличные конские корма, а сама дорога много короче и удобнее всех других ему известных. В дальнейшем все снабжение приискового района шло уже этим путем, и он же был выбран для проведения шоссейной дороги.

Выезжать через Олу нам не пришлось. Летом 1929 г. в Нагаевской бухте была построена культбаза Комитета Севера, учреждено агентство Совторгфлота и все пароходы должны были сюда заходить. В то же время в Олу заходили лишь немногие из них. С этих пор главный поток колымских пассажиров направлялся не через Олу, а через Нагаевскую бухту.

В результате работ экспедиции я вынес от Колымы впечатление, как

о новой грандиозной металлогенической и, в частности, золотоносной провинции. Промышленные перспективы ее я оценивал самым оптимистическим образом. По прибытии на «материк» я сделал соответствующее сообщение во Владивостоке в местном отделении Союззолото, задержался на несколько дней в Иркутске и в Москве, где информировал о результатах работ и перспективах Колымы начальника «Востокзолото» Г.И. Перышкина и начальника Союззолото А.П. Серебровского. Везде меня слушали с большим вниманием, очень интересовались Колымой, но в мою оценку вносили большие поправки на мой «колымский патриотизм». Во Владивостоке мне прямо заявили: «Все-таки Колыме далеко до Калара».

Вернувшись в декабре 1929 г. в Ленинград, я принялся усиленно пропагандировать Колыму. Без большого труда мне удалось добиться организации в 1930 г. новой Колымской экспедиции. Помимо рудной партии по разведке Средниканской жилы, я предусматривал в плане работ экспедиции пять геологопоисковых партий. Уже тогда у меня сложилось представление о распределении золотоносности определенными полосами, вытянутыми по простиранию складчатой зоны. В соответствии с этим были распределены и поисковые партии. Тасканская рекогносцировочная партия направлялась на северо-запад от Утиной, по простиранию золотоносности для обследования междуречья Дебина и Таскана. Аналогично Гербинская партия направлялась к юго-востоку от Средникана. Между Утиной и Средниканом располагались две партии: Колымская для обследования притоков Колымы между Утиной и Средниканом, и Урутуканская – для обследования бассейна рч. Урутукана, непосредственно к югу от Средникана и Утиной. Пятая партия направлялась на Бохаччу выше порогов, где в 1929 г. мною была обнаружена слабая золотоносность и предположено наличие другой золотоносной полосы.

В мае 1930 г. экспедиция во главе с Цареградским выехала из Ленинграда. Вместе с тем и по линии Союззолото шла усиленная заброска на Колыму новых кадров старателей, продовольственного и технического снабжения. Еще зимним путем выехали на Колыму новый управляющий Н.Ф. Улыбин, вместе с экспедицией – заведующий Геологоразведочным бюро П.М. Шумилов, заведующий разведкой С.Д. Раковский и др. Большие перспективы Колымы и трудность ее основания настоятельно требовали соединения ее шоссейной дорогой с Нагаевской бухтой. Поэтому уже в 1930 г. туда была направлена дорожная экспедиция для производства изысканий. Благодаря моему «колымскому патриотизму» мне удалось привлечь внимание к Колыме, но все-таки не в такой мере, как мне того хотелось. Я остался в Ленинграде для составления отчетов по первой экспедиции и организации новой экспедиции в 1931 г.; Однако экспедиционную систему работ на Колыме я считал нерациональной. Поэтому еще весной 1930 г. мною был поднят вопрос об организации постоянного «Индибирско-Колымского геологоразведочного бюро» с крупными ассигнованиями на геологоразведочные работы. Претворению этой идеи в жизнь я посвятил зиму 1930/31 г. Применяя геолого-статистический метод, я попытался в цифровом выражении оценить золотопромышленные перспективы Колымы. Получались цифры, которые меня самого приводили сначала в священный ужас. Но каким бы путем я ни пробовал их выводить, результат получался примерно один и тот же. В конце концов я с этими цифрами примирился и положил их в основу составленного мною «Плана развития геологоразведочных работ на Колыме». Для характеристики этого плана можно отметить, что в первый же год его

существования я предусматривал капиталовложения на разведку в размере 4,5 млн. руб., и при прогрессивном их увеличении считал возможным обеспечить на 1938 г. запасами россыпную золотодобычу на Колыме в размере почти четырехкратной золотодобычи по Союзу за 1930 г. С этими цифрами я стал ратовать за Колыму.

В зиму 1930/31 г. мне пришлось сделать бесконечное количество докладов, писать докладные записки, уговаривать, убеждать, доказывать. Одни первый раз в жизни слышали о Колыме и наивно опрашивали: «А золото там вообще обнаружено?» Другие, уже слышавшие о ней, считали мои цифры фантастическими, нереальными, требовали разведанных запасов. Мои аргументы о региональном развитии золотоносности, о громадности золотоносной области считались необоснованными. Утинские россыпи, как еще неразведанные, считались слабым обоснованием для крупных затрат, и единственный аргумент, который всегда производил некоторое впечатление, была Средниканская жила. Всем было заманчиво распространить полученное в пробах содержание на всю массу руды, и, пожалуй, именно эта жила более всего содействовала в те годы отпуску средств на Колыму.

Несмотря на громадное количество затраченной мною энергии, все мои попытки потерпели к весне 1931 г. полное фиаско. Правда, была организована постоянная Колымская база ГГРУ, и я в качестве техрука этой «базы» с целым штатом геологов выехал в мае 1931 г. из Ленинграда. Но средств на работы базы было отпущено много меньше миллиона, без надежды на увеличение их в ближайшие годы. Мой план развития Колымы пришлось похоронить.

Союззолото также значительно расширило свои работы на Колыме, но все-таки не в такой степени, как это было необходимо. Теперь из Владивостока шли уже специальные пароходы с грузом только для Нагаева. Завозились сотни старателей, большой конный транспорт, фураж, продовольствие, техническое снабжение. По всему Дальнему Востоку Колыма пользовалась широкой популярностью.

Нагаева я почти не узнал. Вместо нескольких домов культбазы на берегу бухты раскинулся довольно обширный поселок, в котором старые дома культбазы не сразу можно было найти. Живописно разбросанные лачуги старателей тянулись от поселка вверх по горе, в сторону кл. Магадан. Теперь в Нагаеве был окружной центр Охотско-Эвенского округа, но главная часть интересов вращалась вокруг Колымских приисков. Приходили пароходы, выбрасывали на берег сотни пассажиров и тысячи тонн груза; все это размещалось по баракам и складам и потом отдельными партиями отправлялось в тайгу, на прииски.

Опять тайга, опять сплав по Бохапче. Теперь Бохапча приобрела полные права гражданства и летом мало кто попадал на прииски, минуя Бохапчу: гнать лошадей из Нагаева вместо сплавной базы до приисков считалось слишком большой роскошью. Если в Нагаеве произошли за полтора года большие изменения, то прииски изменились значительно меньше. Средникан остался почти такой же. Утинская, конечно, изменилась: здесь выросли два прииска – Юбилейный и Холодный и стан приискового управления при устье кл. Холодного. Но весь уклад жизни остался тот же самый. То же отсутствие транспорта и связи с Нагаевом, те же нехватки продовольственного и технического снабжения, то же гадание, придет – не придет сплав, то же напряженное ожидание первых зимних траспортов и остановка работ в декабре из-за отсутствия продовольствия.

Пятьсот километров, отделявшие Колыму от Нагаева, были непреодолимым препятствием для снабженцев. Это обстоятельство в течение ряда лет чрезвычайно пагубно отражалось на развитии Колымы. И нельзя сказать, чтобы это препятствие было действительно непреодолимым. Правда, осваивать Колыму было трудно, но суть все-таки заключалась не в этом, а в полном неумении руководителей снабжения организовать свое дело, в их абсолютном незнании условий тайги, в полной беспомощности и растерянности во всех затруднительных случаях. Достаточно сказать, что за две зимы 1931/32 г. и 1932/33 г. в транспорте, обслуживавшем снабжение приисков, пало свыше 2000 коней. Все отрасли приискового хозяйства – и эксплуатация, и разведка, и особенно геологопоисковые работы неизменно были остро недоснабжены.

В отношении обнаружения новых золотоносных площадей Колымский район занимает особое место среди других золотоносных районов. Это первый район, где все открытия золота (исключая первых незначительных открытий Бориско и Сафея Гайнуллина на Средникане) были сделаны геологопоисковыми партиями в результате систематических геологопоисковых работ. Тем досаднее, что геологопоисковые работы больше других отраслей приискового хозяйства страдали от неприспособленности снабженческого аппарата. Для каждого производственника кажется совершенно естественным принцип, что геологопоисковые работы должны направляться туда, где вероятнее всего ожидать золото, а снабжение должно забрасываться туда, где золото обнаружено. В начале 1931 г. на Колыме был провозглашен другой принцип: золото, независимо от геологических данных, надо искать прежде всего в тех районах, которые легко снабдить. Этот неправильный принцип чрезвычайно сильно повредил развитию Колымы.

Экспедиция В.А. Цареградского, прибыв в Нагаево в начале лета 1930 г., вновь столкнулась с острым недостатком транспорта, который весь был занят снабжением приисков. Только две партии, Тасканская и Урутуканская, сплыв по Бохапче, могли в конце лета попасть на Колыму. За тот небольшой промежуток времени, который им оставался до наступления зимы, они успели обнаружить несколько, хотя и небогатых, но вполне промышленных россыпей. Летом 1931 г. работы экспедиции развернулись в полном объеме и дали значительные результаты, но полному их успеху помешало проведение в жизнь пресловутого принципа снабженцев. Партия С.В. Новикова, обследовавшая бассейн Урутукана, обнаружила целый ряд богатейших россыпей. Партия Д.А. Каузова была переброшена с правых притоков Колымы в бассейн Малтана, который оказался пустым. А в 1933 г. по кл. Торопливому, между Утиной и Средниканом, была обнаружена богатейшая россыпь. Партия Д.В. Вознесенского должна была еще в 1931 г. обследовать исключительно перспективные притоки Таскана и Мылги, но опять-таки она была переброшена ближе к побережью, в бассейн рч. Тяньки, давшей в то время весьма посредственные результаты, а богатейшие россыпи Таскана и Мылги (Ат-Урях, Хатын-нах, Штурмовой) оставались неоткрытыми еще три года.

Геологопоисковые партии базы ГГРУ летом 1931 г. также постигла незавидная участь. Из-за отсутствия транспорта они вынуждены были работать сплавом по рр. Малтану, Бохапче и Колыме, и вся их работа свелась преимущественно к геологической съемке прибрежной полосы. Несмотря на то, что таким образом весь план геологопоисковых работ был скомкан, открытие Урутуканских россыпей значительно укрепляло перспективы

Колымы¹. В конце лета 1931 г. на Утиной была сделана еще одна интересная находка. В сносках кл. Холодного были обнаружены крупные валуны кварца с богатым видимым золотом. Эта находка сразу ставила вопрос о необходимости рудных поисков, каковые и были поставлены летом 1932 г., приведя к обнаружению Утинской золоторудной жилы.

Теперь перспективы Колымы настоятельно требовали подкрепления их разведанными запасами. Но с осени 1931 г. разведку из-за недостатка снабжения удалось поставить лишь в самом мизерном масштабе. Дальнейшие перебои снабжения грозили полным ее срывом. Поэтому разведчикам ничего не оставалось, как самим заняться вопросами снабжения. В Нагаево был командирован зав. россыпной разведкой С.Д. Раковский, который быстро наладил дело комплектования разведочных партий. Одна за другой на прииски стали отправляться партии разведчиков, снабженные всем необходимым инструментом и продовольствием до конца разведочной операции. Разведка начала налаживаться. В это время в истории Колымского района настал поворотный момент: 5 февраля 1932 г. с пароходом «Сахалин» в Нагаевскую бухту прибыл трест Дальстрой.

Как оказалось, я был неправ, считая неудавшимися свои попытки осуществить план развития геологоразведочных работ на Колыме. Поднятые мною разговоры о грандиозных перспективах Колымы не утихли и после моего отъезда. Неизвестными для меня путями они достигли наконец Совета Труда и Оборона. Было приказано собрать все материалы по Колыме, каковыми оказались лишь стенограммы моих докладов и докладные записки. То, чего я тщетно добивался в трестах и главках, очень просто осуществил СТО. Тресты и главки не верили в мою оценку перспектив Колымы, СТО в эти перспективы поверил, и решил тотчас приступить к широкому промышленному освоению Колымы. Хотя и здесь раздавались голоса о необоснованности и нереальности этих перспектив, было решено для освоения Колымы организовать трест Дальстрой. И опять-таки немалую роль в этом решении сыграла Средниканская жила.

Строго говоря, прибытие Дальстроя явилось поворотным моментом в развитии не столько Колымских приисков, сколько Охотского побережья. Располагая колоссальными материальными ресурсами, Дальстрой дал резкий толчок развитию не только Нагаевской бухты с непосредственными окрестностями, но и более удаленных пунктов побережья, – таких, как Ола, Тауйск, Армань и др. Что касается самих приисков, то здесь еще в течение

¹ Геологопоисковыми партиями базы ГГРУ в 1932 и 1933 гг., а также партиями Горного управления Дальстроя в 1934 г. были получены очень хорошие результаты, значительно расширившие перспективы Колымского золотоносного пояса и подтвердившие прогнозы Ю.А. Билибина и проектируемое им направление геологопоисковых работ. Так, Л.А. Снятковым в 1932 г. была установлена золотоносность по р. Ат-Урях (в полном значении выявленная затем работами С.С. Лапина в 1933-1934 гг.), им же и А.А. Арсеньевым – в среднем и нижнем течении р. Дебина, Е.Т. Шаталовым – в 1932 г. по р. Сусуману (уже в бассейне р. Берелека) и в Верхне-Дебинском районе, а в 1938 г. – по упомянутому в тексте кл. Торопливому. Россыпи Хатыниаха и Штурмового (бассейна Таскана и Мылги) были открыты в 1934 г. К.А. Шахворстовой и Ф.К. Рабинович. В 1935-1937 гг. партии И.И. Галченко, Е.Т. Шаталова и И.Е. Исакова установили протяжение золотоносного пояса до р. Индигирки, по правым притокам р. Неры. Много интересных сведений об истории открытия и изучения Колымы можно найти в работе П.Н. Кропоткина «История геологического и географического исследования Охотско-Колымского края и верховьев р. Индигирки (1890-1934 гг.)», ОНТИ, 1936.— *Ред.*

двух лет – 1932 и 1933 гг. – сохранялось примерно то же самое положение: неизменно острый недостаток снабжения и в связи с этим лишь очень постепенный темп развития приисков. Разрыв между побережьем и приисками, существовавший еще до Дальстроя, с его прибытием лишь усилился. Те 500 км, которые были трудно преодолимым препятствием для снабженцев Союззолото, оказались еще большим препятствием для снабженцев Дальстроя.

Основные вехи в развитии Колымы были намечены еще до прибытия Дальстроя: Нагаевская бухта – как основная снабженческая база на побережье; кратчайшее и наиболее удобное направление шоссейной дороги на прииски; Бохапча – как подсобный путь снабжения до проведения дороги; основные районы золотодобычи, дальнейшие перспективы протяжения золотоносности на северо-запад и пр. и пр. – все это было выявлено до Дальстроя. Дальстрой получил в наследство хотя и небольшое, но более или менее налаженное хозяйство на приисках, прекрасно подготовленный геологоразведочный аппарат с многочисленным высококвалифицированным персоналом, по сей день составляющим основное ядро геологоразведочных кадров Дальстроя, но он в течение двух лет не мог организовать того, что было слабо поставлено и до его прибытия, – снабжения. Причина этого была все та же – полное незнание северной тайги, пренебрежительное отношение к специфическим условиям приисковой работы и опыту старых таежников. На этой почве Дальстрой совершил ряд ошибок, и смело можно утверждать, что если бы не эти ошибки Дальстроя, Колыма была бы освоена им на полтора-два года раньше. Лишь через два года «обучения» работе в тайге Дальстрой смог правильно организовать свою работу, и результаты не замедлили сказаться. 1934-й год, год проведения шоссейной дороги на Колымские прииски, является поворотным моментом в их развитии.

С прибытием в Колымский край Дальстроя закончился первый – пионерский период в освоении края и наступил второй период – период крупного промышленного строительства.